

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ И ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

Процессуальная археология - новый взгляд на "старые вещи"

Хорошо известно, что возникновение в середине XX в. процессуальной или, так называемой, "новой археологии" было связано с неудовлетворенностью научного сообщества существующей методологией археологического исследования (Renfrew & Bahn, 2000: 38). Льюис Бинфорд, анализируя причины возникновения "новой археологии" в книге "In pursuit of the Past", писал "те из нас, кто начал свою карьеру в конце 50х - начале 60х гг. работали в традиционном ключе. Большая часть наших учителей решали проблемы определения возраста памятников, изучая изменение типов артефактов и сопровождающего археологические находки материала. Поэтому методологический опыт, который получило наше поколение, касался того, как необходимо сравнивать ансамбли артефактов, составлять серии в надежде, что такие серии каким-нибудь образом отражают возраст изучаемых индустрий" (Binford, 1983: 95). Ситуация изменилась коренным образом после 1949 года, когда в связи с изобретением радиоуглеродного метода (C^{14}) и стремительным развитием ядерной физики получение точных абсолютных дат на основе анализа различных органических материалов стало делом довольно обычным. Теперь перед исследователями вставали такие новые задачи как выработка аналитических процедур для реконструкции среды обитания древнего человека и характера организации общества, в котором он жил. Льюис Бинфорд отмечал, что "внедрение радиоуглеродного метода смогло разрешить большую часть традиционных проблем хронологии, которым наши учителя отдали столько сил. Однако если эти проблемы были отчасти решены, тогда стало бы возможным использовать археологические материалы для экономических разработок. И если расщепленный камень, керамика и иные артефакты, которые исследуют археологи, использовались ранее для решения хронологических проблем, которые теперь могут быть решены с применением радиоуглеродного датирования, то, что следует делать дальше с этим артефактами? Должна же быть и иная

информация, которую мы можем из них извлечь" (Binford, 1983:95).

В 1958 году американские археологи Гордон Вилли и Филип Филипс в статье "Метод и теория в американской археологии" выступили за то, чтобы в процессе археологического исследования основное внимание уделять изучению и реконструкции социальных систем прошлого. Позже в развитии англо-американской археологии обозначились несколько довольно близких по своей сути направлений, таких как "поведенческая археология", "археология действия" и "этноархеология", также считающих основной задачей изучение и реконструкцию древних социокультурных систем (Shiffer, 1972; Campbell, 1968; Gould, 1978; Kramer, 1979).

В разработке теоретической базы этого нового направления с самого начала доминировали ученые, занимающиеся преимущественно исследованием обществ охотников и собирателей. Решительная попытка дать свой ответ на поставленные временем "больные вопросы" была предпринята группой молодых археологов, идейным лидером которых был Льюис Бинфорд. Для него введенное А.Гудеар понятие "теория среднего уровня" (*middle range theory*) служило теоретическим обоснованием методов, с помощью которых могли быть установлены связи между поведением человека в прошлом и материальными остатками, являющимися результатом этого поведения. Л.Бинфорд разработал новый метод проведения археологических интерпретаций, который вскоре был назван (сначала его критиками, а затем и сторонниками) тем именем, под которым этот метод и вошел в историю мировой археологической мысли, т.е. "новой археологией" (Renfrew & Bahn, 2000: 64). В отличие от пессимистической позиции своих предшественников, недовольных существовавшей методологией, но неспособных предложить что-то новое, взгляд процессуалистов на перспективы археологии был более оптимистичным. В то же время их оптимизм был подкреплён точной и выверенной процедурой проведения археологических исследований и реконструкций. "Новые археологи" считали, что

выводы, сделанные на основании изучения конкретных археологических материалов, должны быть основаны не только на мнении исследователя, но и на точных логически выверенных процедурах и аргументах, подвергнутых открытой критике и верификации.

Поскольку в "новой археологии" четкие, логически выверенные процедуры были призваны играть решающую роль в процессе реконструкции, данное направление в археологической теории получило также название "процессуальной археологии". В Европе близкие идеи развивались британским археологом Дэвидом Кларком, который в книге "Аналитическая археология" (1968), так же как и его американские коллеги, выступил за применение более сложных исследовательских процедур и количественных методов исследования, а также призвал заимствовать идеи и концепции из других наук, в т.ч. географии. Первое десятилетие развития "новой археологии" в литературе получило название "функционально-процессуального", поскольку для раннего периода было характерно увлечение функциональными и экологическими интерпретациями. В конце 1980-х начале 1990-х годов ранний период сменился "когнитивно-процессуальной" археологией, которая кроме функционального изучения включает в программу исследования так же символические и познавательные аспекты социокультурных систем.

Процессуальная археология и этноархеология

С самого возникновения "новой" или процессуальной археологии ее сторонники большое значение придавали методике проведения реконструкций, объяснению того, как происходил процесс формирования археологических источников и каким образом выявленные в результате раскопок структуры и артефакты отражают закономерности человеческого поведения. Характерно, что уже в период становления и институционализации процессуальной археологии отмечали, что одним из наиболее эффективных способов понимания археологических данных является изучение материальной культуры и закономерностей поведения в традиционных обществах, относящихся к периоду т.н. этнографической современности. Собственно, в самой идее использования этнографических данных для интерпретации археологических материалов не было ничего нового. Еще в XIX в. европейские и американские археологи часто прибегали к использованию информации, полученной этнографами о так называемых "примитивных" обществах Африки, Австралии и Нового Света. Однако используемый ими метод прямых "этнографических параллелей" применялся настолько некритически, что, скорее, дискредитировал саму идею. Археологи, заинтересованные в использовании этнографических данных, довольно быстро осознали, что книги и статьи по этнографии часто не в состоянии дать ответ на интересующие их вопросы и что необходимая информация этнографического характера может быть получена только самими археологами (Bettinger, 1991:62).

Осознание этой проблемы было причиной появления во второй половине пятидесятих годов прошлого века в англо-американской археологии целого ряда научных направлений, таких как "археология действия", "археологическая этнография", "живая археология", объединенных единой задачей изучения "живых" традиционных культур для выявления существующих связей между человеческим поведением и материальными остатками и интерпретации археологических материалов. Название одного из таких направлений "этноархеология" (*Ethnoarcheologie, Ethnoarchaeology, Ethnoarcheologie*) уже в 60-е годы XX века практически полностью вытеснило все остальные, а в 70 - 80е годы стало общеупотребительным (Шнирельман, 1988).

Начало развитию этноархеологии как одного из методов, используемых в процессуальной археологии, было положено исследованиями Ричарда Гоудла о жизни австралийских аборигенов, Ричарда Ли о южноафриканском племени Кунг Сан, а также классическими работами Льюиса Бинфорда об эскимосах нуннамиуты Аляски (Renfrew & Bahn, 2000: 136). Приоритетной сферой применения этноархеологических исследований стала доисторическая археология. Исследователи, изучающие доисторическую археологию, использовали данные этноархеологии о жизни обществ охотников и собирателей для реконструкции стратегии жизнеобеспечения, поселенческой стратегии, организации человеческих групп, определении типа социокультурной адаптации. Пожалуй, наибольшую известность получили этноархеологические исследования, проводимые Льюисом Бинфордом по изучению стратегии жизнеобеспечения и организации поселений и структур обитания эскимосов Аляски, которые послужили основой для его интерпретации материалов палеолитических памятников Франции. Так, результаты его наблюдений об использовании и утилизации фаунистического материала на эскимосских стойбищах Маек Сайт и Анактувук показали, что изучение организации поселений современных охотников и собирателей, размещения поселений в окружающем ландшафте, их сезонной мобильности позволяет понять те механизмы, посредством которых происходило формирование культурных остатков на мустьерских археологических памятниках.

Отличие его подхода от традиционного метода прямых "этнографических параллелей" состояло в том, что эскимосы - нуннамиуты Аляски не рассматривались в качестве прямой аналогии для мустьерского населения Франции. Однако эти исследования убедительно доказали, что существуют некоторые закономерности человеческого поведения, которые определяются характером хозяйственного уклада и являются общими для культур мобильных охотников и собирателей как прошлого, так и настоящего.

Хотя этноархеология как особое научное направление в археологии возникло и на раннем этапе развивалась преимущественно в англо-саксонских

странах-США, Канаде, Великобритании и Австралии, в дальнейшем, уже в 1980 - 90 годах, появилось немало исследователей, работающих в этом ключе не только в Европе (Gron, Engelstad & Lindblom, 1991; Broadbent, 1989; Kvist, 1991), но и в ряде стран Азии (Allchin, 1995). В Российской Федерации, несмотря на глубокие традиции отечественной археологии и этнографии, этноархеология как самостоятельное научное направление получила развитие лишь в последние годы и, прежде всего, в Сибири (Васильев, 1985, 2000; Кенинг, 1996, 1997; Клейн, 1998; Мельникова, 1998; Томилов, 1999; 2000; Шнирельман, 1984:1988). В российской науке предлагаются различные варианты понимания самого термина "этноархеология", по-разному определяются ее объект и предмет исследования.

В.А.Шнирельман считает, что "объектом исследования этноархеологии служит материальная культура современных народов, а предметом - специфика отражения в ней особенностей поведения людей и их социальных взаимоотношений. Для этого проводятся этнографические наблюдения и раскопки поселков и стоянок, сравнительно недавно оставленных людьми, причем данные, полученные от информаторов, сопоставляются с материалами таких раскопок. Тем самым вскрываются взаимосвязи между материальной культурой и ее остатками, с одной стороны, и живой социальной действительностью, с другой. На этой основе строятся гипотетические модели, способные служить археологам, изучающим древние памятники, для постановки исследовательских задач и выработки соответствующей стратегии поиска. Так решается одна из задач, стоящих перед археологами, совершенствование процедуры первобытноисторических реконструкций" (Шнирельман, 1988).

Более широко определяет это понятие Н.А.Томилов, считающий, что этноархеология это "особая научная дисциплина, имеющая в своей структуре методологию и теорию конструирования моделей прошлого (в нашем понимании - этносоциокультурных систем), историографию интеграции археологии и этнографии, этноархеологическое источниковедение, методику конструирования и реконструкции (для более ранних периодов истории человечества) моделей прошлого и фактические (эмпирические) исследования методами этноархеологии социумов и культур разных исторических эпох и их динамики". И далее: "объект этноархеологии составляют, исходя из предложенного выше ее предназначения, социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми или реконструируемыми путем интеграции археологического и этнографического познаний. Предмет этноархеологии в общем виде составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также свойства сопряжения этих явлений в одну систему, которые позволяют конструировать или реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами" (Томилов Н.А., 1999).

Традиционного для зарубежной археологии определения придерживается А.В.Кенинг, который полагает, что "этноархеология подразумевает изучение определенных стереотипов хозяйственного и общественного поведения, выраженного в материальных останках, установление связей между овеществленной культурой и деятельностью человека без учета этнической окраски". Он предлагает различать этноархеологические и этногенетические исследования, которые "направлены, в первую очередь, на установление соотношения археологической культуры (в конкретных хронологических и территориальных рамках исторической действительности) с определенным этносом" (Кенинг, 1996).

Что касается нашего собственного восприятия целей и задач, стоящих перед этноархеологией, и сферы ее проблематики, то мы придерживаемся общепринятого в англо-американской науке подхода, полагая, что этноархеология является результатом типичного для современной науки возникновения новых направлений на стыке уже существующих дисциплин, представляющих собой, скорее, не четко разделенные кластеры, а своего рода "поля", границы которых взаимопроникаемы. Этноархеология, таким образом, наряду с экспериментальной археологией, геоархеологией, зооархеологией и археоботаникой, представляет собой особую отрасль археологической науки.

Процессуальная археология исходит из того, что археологические памятники являются отражением существовавших некогда социокультурных систем, информация о деятельности которых в разной степени сохранности отражена в материальных кореллятах - археологических источниках и, следовательно, при условии применения определенных процедур может быть извлечена и использована для реконструкции прошлого. Поэтому целью этноархеологии должна являться разработка аналоговых моделей, используемых для анализа археологических данных и верификации основанных на этих данных, гипотетических реконструкций. Для достижения этой цели этноархеология использует такие методы исследования, как изучение письменных источников, работа с информаторами, аудио, фото и видео фиксация, включенное наблюдение, изучение процессов изготовления и использования артефактов, создания и использования различных хозяйственных построек и конструкций, раскопки поселений и жилых структур, а также изучение процессов перехода объектов "живой" культуры в тафономическое состояние (Кузнецов, 1997; 2003; Kuznetsov, 2004).

Мы ни в коем случае не претендуем на то, что данное определение является полным и исчерпывающим. Существующая сегодня полифония в определении термина "этноархеология" и в понимании задач, стоящих перед нею, является абсолютно нормальным явлением. Это разнообразие позиций, тем не менее, не может и не должно служить препятствием для дальнейшего развития этноархеологических исследований. Главное при этом, как отмечает омский исследователь Н.А.Томилов, "не сузить

горизонты и проблематику этноархеологических исследований" (Томилов Н.А., 1999).

Этноархеология и поселенческая археология охотников и собирателей

В сферу интересов современной этноархеологии входят исследования как традиционных, так и индустриальных обществ (достаточно вспомнить знаменитый "мусорный проект" Вильяма Рэтье), однако изучение охотников и собирателей по-прежнему остается, пожалуй, наиболее важным направлением. Этноархеология рассматривает общества охотников и собирателей как сложные, открытые адаптивно-адаптирующие социокультурные системы, содержащие механизмы прямых и обратных, негативных и позитивных, стабильных и/или нестабильных взаимосвязей. Между коллективами охотников-собирателей и окружающей природной средой существует взаимосвязь, которая проявляется в устойчивых сезонных ритмах жизнедеятельности. Эти ритмы находятся в соответствии с сезонными климатическими изменениями, состоянием жизнеобеспечивающих ресурсов вмещающего ландшафта, спецификой поведения животных, служивших объектами охоты, которые во многом определяют степень оседлости/мобильности охотников и собирателей. Социокультурная адаптация, таким образом, понимается как процесс, основанный на определении критериев отбора тех поведенческих вариаций, которые являются наиболее продуктивными и адекватными для данной конкретной окружающей среды, и предполагает создание устойчивых механизмов передачи этих успешных поведенческих стратегий. Понимание адаптационных процессов, связанных с особенностями использования определенной стратегии жизнеобеспечения обществ охотников и собирателей (включая поселенческую, ресурсную, организационную стратегии), существовавших в прошлом, зависит от объема нашей информации о поведении человека в традиционных сообществах. Это позволяет, по крайней мере, на стадии выдвижения рабочих гипотез использовать для анализа археологических материалов и дальнейшей верификации археологических реконструкций этнографические, этноархеологические и этноисторические данные (Binford, 1980; 1983; Bettinger, 1991; Peoples & Bailey, 1991).

Этноархеологические исследования имеют исключительное значение для развития поселенческой археологии охотников и собирателей. Широкую популярность в научном сообществе получили работы, проведенные Л.Бинфордом на поселении эскимосов Маек Сайт, позволившие ему предложить свою интерпретацию структуры организации культурного слоя верхнепалеолитического поселения Пинсевен во Франции. В отличие от Андрэ Леруа-Гурана, который интерпретировал остатки трех очагов как жилой комплекс покрытых шкурами конструкций, Л.Бинфорд используя свои полевые наблюдения на поселении Маек Сайт, доказал, что концентрация культурных остатков вокруг очагов Пинсевена является результатом деятельности людей, находящихся под

открытым небом. По его мнению, люди, сидящие около костра, были вынуждены периодически перемещаться вокруг него и сооружать новые очаги с подветренной стороны так, чтобы не сидеть в дыму. Поскольку такое поведение, получившее отражение в материальных археологических кореллятах, было характерно только для людей, находящихся вне крытых жилищ Л.Бинфорд пришел к выводу, что реконструкция, предложенная ранее А.Леруа-Гураном, была в принципе неверна.

Задачи современной этноархеологии не ограничиваются изучением внутренней структуры организации одного отдельно взятого поселения (*intra-site level*). Этноархеологические исследования касаются также организации всей поселенческой системы на более обширном, локальном уровне, поскольку для полноты реконструкции жизнедеятельности охотников и собирателей представляется необходимым исследовать всю территорию, на которой действует одна и та же мобильная группа, установить те взаимосвязи, которые существовали между поселениями этой группы. Применение этноархеологии позволяет выявить различные функциональные типы поселений, такие как долговременные базовые сезонные поселения, транзитные кратковременные лагеря, охотничьи стоянки, места забоя и разделки животных, хранилища, и т.д. Изучение этих разнообразных следов жизнедеятельности человеческих групп является очень важным для археологии охотников и собирателей, реконструкции их образа жизни в пределах сезона и годового цикла.

Хороший пример исследования пространства расположенного между поселениями (*off-site level*), дают работы английского ученого Роберта Фоли в южной Кении. Им было описано более 8.000 каменных орудий, собранных на 257 местонахождениях расположенных на территории, составляющей около 600 кв. км. По результатам этих исследований Р.Фоли смог установить, что количество утилизированных каменных орудий находится в определенном соответствии с разными природными зонами исследуемой территории и связано с характером мобильности аборигенов и использованной ими стратегией жизнеобеспечения. По его наблюдениям, группа охотников и собирателей, состоящая из 25 человек, утилизирует около 163.000 каменных орудий на территории, занимаемой ими в течение года. Причем, эти артефакты были распределены по всей территории обитания группы с четко выраженной концентрацией в тех зонах, где размещались базовые и временные охотничьи лагеря. Этноархеологические исследования Роберта Фоли убедительно показали, что в процессе проведения раскопок в руки исследователей попадает лишь часть тех орудий, которые когда-то в древности использовались одной и той же группой в течение всего годового цикла.

Зародившийся некогда в рамках "новой" процессуальной археологии этноархеологический метод сегодня успешно применяется и сторонниками постмодернистского (постпроцессуального) направления. В качестве примера можно привести также работы известного английского археолога Яна Ходдера о

распространении на локальном уровне украшений африканских племен, живущих в районе оз.Баринго (Кения). Исследования территориального распределения типов ушных украшений позволили выявить, каким образом материальная культура (в данном случае украшения) отражает существующие этнические отличия между племенами (Renfrew & Bahn, 2000: 174)

Этноархеологический метод изучения поселений и жилищ охотников и собирателей позволяет решать и более серьезные проблемы, связанные с определением систем родства и демографии традиционных обществ. Так, например, работы Джона Йеллена о поселениях охотников и собирателей племени !Кунг, живущих в пустыне Калахари, позволили ему обнаружить, что размер человеческой группы прямо зависит от определенного сезона года. Так, если в засушливый сезон для племени !Кунг были характерны крупные, относительно долговременные поселения, насчитывающие от 35 до 60 человек, то в период дождей, напротив, популяция разделяется на несколько самостоятельных групп, и каждый лагерь оказывается, обитаем одной семьей или же несколькими родственными семьями в течение всего нескольких дней. Изученное им крупное поселение засушливого периода, таким образом, представляло как бы агломерацию нескольких жилищ, расположенных по кругу, каждое из которых представляло собой отдельную зону деятельности, со своим очагом, навесом и зоной деятельности прилегающей к очагу. Дж.Йеллен также отметил, что существует устойчивая корреляция дистанции между жилищами на поселении и "дистанцией" родства между живущими в них семьями. Его результаты были подтверждены работами английского археолога Годда Витлоу, который подтвердил, что жилища и очаги, принадлежащие членам одной расширенной семьи племени !Кунг действительно располагаются ближе друг к другу, и что социальная дистанция между членами семьи соответствует физической дистанции между жилищами (Renfrew & Bahn, 2000: 193). На сегодняшний день в зарубежной археологии существует множество работ, связанных с изучением стратегии жизнеобеспечения и организации поселений охотников и собирателей на основе использования этнографических и этноархеологических данных. Из наиболее известных можно упомянуть, к примеру, монографии Роберта Веттинера (Bettinger, 1991), Роберта Килли (Kelly, 1995), новую книгу Льюиса Бинфорда (Binford, 2000), а также сборник статей под редакцией Клайва Гэмбла и Вильяма Бойсмиера (Gamble & Boismier, 1991). Многие авторы обращают внимание не только на необходимость использования уникальных возможностей этноархеологии, но и на ряд серьезных проблем, связанных с разработкой методики и практическим применением этноархеологических данных для верификации археологических реконструкций.

Стратегии жизнеобеспечения охотников и собирателей: Foragers vs. Collectors

Использование этноархеологического метода исследования обществ охотников и собирателей, живущих в разных географических регионах и в

различных природных условиях, при всем их многообразии позволяет выделить две основные стратегии жизнеобеспечения и поселения, отражающие особенности адаптации человеческих коллективов к окружающей природной среде. Важный вклад в использование этнографических данных для интерпретации археологического материала внесла т.н. "теория оптимального собирательства" (*optimal foraging theory*), которая возникла в американской культурной антропологии в 80-е годы XX века и которая сегодня продолжает играть роль ведущей среди других теорий среднего уровня (*middle range theory*) в зарубежной антропологии и археологии (Bettinger, 1991: 84). Согласно теории оптимального собирательства выбор той или иной стратегии жизнеобеспечения определяется целым рядом факторов, главными из которых являются следующие:

1. Размер и внутренняя структура человеческого коллектива.
2. Наличие на определенной территории конкурирующих групп.
3. Наличие и доступность необходимых для жизнеобеспечения коллектива природных ресурсов.
4. Сезонные флуктуации природных ресурсов на территории доступной для человеческого коллектива.
5. Количество времени и энергии затраченной для получения определенного ресурса.
6. Ценность тех или иных ресурсов для жизнеобеспечения коллектива.

Серьезное влияние на развитие теории оптимального собирательства имело введение Л.Бинфордом понятия "эффективной температуры" (ЭТ) как интегральной оценки соотношения между продуктивностью окружающей среды, сезонной флуктуацией ресурсов и организацией поселенческой системы охотников и собирателей. Там, где ЭТ относительно высока (от 25 до 21 пункта), условия окружающей среды более или менее однородны и отсутствуют сезонные флуктуации необходимых ресурсов, годовой цикл перемещения группы охотников и собирателей по определенной территории состоит из серии повторяющихся периодов. В течение каждого периода локальная группа размещается на базовом поселении, эксплуатируя ресурсы, доступные на окружающей территории. Когда же доступные ресурсы в зоне эксплуатации (*site exploitation area*) заканчиваются, базовое поселение перемещается на новое место. Отсутствие серьезных сезонных и пространственных отличий в распределении ресурсов приводит к тому, что эти базовые поселения имеют сходную внутреннюю структуру и содержат, как правило, близкий по своим характеристикам археологический материал. При такой системе (*foraging system*) локальная популяция как бы "накладывается" на имеющиеся природные ресурсы, перемещая базовое поселение по территории так, чтобы обеспечить наиболее удобный доступ. Для этой системы характерна поселенческая стратегия, получившая название резидентной (*residential mobility*). Л.Бинфорд выделяет два различных типа поселений, характерных для этой стратегии: это постоянные

поселения (*residential base camp*) и кратковременные стоянки (*locations*). Постоянные поселения представляют собой тот центр, из которого отдельные целевые группы (*target group*) отправляются для добычи пищи и сырья и куда затем они возвращаются. Это место является центром производства и обработки, на нем осуществляются основные виды хозяйственной деятельности. В археологическом отношении это означает, что на относящихся к одной группе базовых поселениях, где велись схожие виды хозяйственной деятельности, будет представлен связанный с осуществлением этих видов деятельности схожий материал.

В отличие от постоянных поселений, кратковременные стоянки являются местами, предназначенными для осуществления отдельных, специализированных видов деятельности, таких, например, как забой животного, разделка туши, сбор растений и т.д. Такая резидентная стратегия жизнеобеспечения и поселения характерна, например, для охотников и собирателей племени !Кунг-Сан (Африка, Калахари) и аборигенов восточной Австралии (Lee, 1969; Gould, 1969). Для того, чтобы подчеркнуть отличия адаптации охотников и собирателей, следующих данной стратегии, в англоязычной археологии используется термин *foragers*. Если резидентная мобильность нарастает это сразу же отражается на связях между видами деятельности, осуществляемыми на поселении, и археологическими материалами. Так, если период существования поселения сокращается (т.е. уменьшается период накопления археологических остатков), вероятность наличия функциональной связи между орудиями труда, содержащимися в коллекции нарастает, возрастает также вероятность того, что функции, представленные орудиями из данной коллекции, связаны именно с этим поселением.

В том случае, если ЭТ изучаемого региона относительно низка (меньше 21 пунктов), необходимые для жизнеобеспечения ресурсы окружающей среды территориально и сезонно распределяются неравномерно, вследствие чего население сталкивается с периодами их резкого сокращения в определенные сезоны, стратегия жизнеобеспечения и поселения охотников и собирателей существенно отличается от резидентной. Сезонные изменения требовали целенаправленной добычи в большом количестве и сохранения "про запас" таких ресурсов, как, например, карibu или лосось, которые широко распространены и имеются в изобилии лишь в течение довольно ограниченного периода времени. Использование данной стратегии требовало от групп охотников и собирателей более развитого планирования деятельности и сложно организованной тактики. Создание запасов, с одной стороны, решало проблему сезонных флуктуации, необходимых для жизнеобеспечения ресурсов, с другой стороны, делало ненужным постоянное частое перемещение базового поселения, делая саму поселенческую систему более сложной. Создание хранилищ как бы привязывает популяцию к определенной территории, на которой возникает устойчивая сеть коммуникаций (троп) между

различными типами поселений и хранилищами приготовленной на зиму пищи. Такая стратегия жизнеобеспечения и поселения получила название логистической (*logistic strategy*). Она заключается в том, что коллективы охотников и собирателей вынуждены в определенный сезон перемещаться по определенным маршрутам в целях более эффективной эксплуатации необходимых для жизнеобеспечения природных ресурсов. Для этой стратегии, в отличие от резидентной, характерно разделение годового цикла на отдельные периоды снижения или же изменения характера хозяйственной активности, как, например, зимой, которые затем, в свою очередь, сменяются периодами резкой активизации деятельности охотников и собирателей. Кроме того, использование этой стратегии связано с изменениями в составе орудий и охотничьего вооружения и определенной технологией, когда орудия и охотничье вооружение подготавливаются заранее и его большая часть используется только в определенный короткий период для специальных операций. Хорошей иллюстрацией такого поведения является пример, когда каяк эскимосов племени Нетсилик используется только летом, а все остальное время года хранится в специальном месте. Если *foragers*, которым нет необходимости сохранять ресурсы, добывают себе пищу, используя ограниченный набор орудий и охотничьего вооружения, предназначенного для широкого функционального применения в течение длительного периода, то *collectors* вынуждены добывать пищу в большом количестве и "про запас", и эффективность их зависит от использования сложного в изготовлении и высокоспециализированного по своим функциям вооружения, которое будучи сделанным однажды, бережно сохраняется и используется только при определенных обстоятельствах, для которых оно и было произведено (Vettinger, 1991).

Применение логистической стратегии жизнеобеспечения естественным образом влекло за собой соответствующие изменения в поселенческой стратегии. В дополнение к двум типам поселений - базовым поселениям и кратковременным лагерям целевых групп, характерным для *foragers*, система поселений охотников и собирателей типа *collectors* включает в себя также транзитные полевые лагеря (*field camps*) для небольших групп охотников и собирателей, хранилища (*cashes*) для ресурсов, а также стоянки для сбора информации о состоянии природных ресурсов (*stations*). Системы организации жизнеобеспечения и поселения у *collectors u foragers* четко отличаются в том, как они строят отношения между популяцией и ресурсами. Эти отношения у *collectors* более предсказуемы и структурированы и менее гибки. Охотничьи партии (целевые группы) выдвигаются из распложенных в центре базовых поселений для того, чтобы получить какой-либо вид ресурсов и вернуться обратно с тем, что получено в результате охоты или собирательства. *Ecnv\foragers* отвечают на временную и пространственную нехватку ресурсов перемещением базового поселения, то *collectors* отвечают на

сезонную нехватку ресурсов сохранением ресурсов, а на пространственное несовпадение расположения популяции и ресурсов логистической мобилизацией, перемещая специальные целевые группы охотников и собирателей в определенные местонахождения для более эффективной эксплуатации ресурсов с помощью более высоко специализированной технологии и тактики. Логистическая стратегия, которую применяют охотники и собиратели этого типа (*collectors*), отражается в особенностях поселенческой организации и фиксируется археологически в специализации по видам хозяйственной деятельности между функционально различными поселениями, используемыми одной группой.

Заключение

Этноархеология как особое направление в науке, зародившееся в рамках "новой археологии", сегодня успешно применяется как сторонниками процессуальной археологии, так и постпроцессуалистами. В отечественной науке, несмотря на давние и прочные традиции объединения археологических и этнографических исследований, восходящие к работам Д.А.Анучина и Ф.К.Волкова, в конце XX в., скорее, преобладало критическое отношение к перспективам такого, казалось бы, естественного союза. Во многом, как отмечает С.А.Васильев, "скептицизм значительной части археологов относительно самой идеи применимости подобных наблюдений для анализа палеолитических материалов представляет собой своего рода закономерную реакцию на засилье примитивных этнографических реконструкций, наиболее ярко проявившихся в так называемой "истории первобытного общества" - дилетантских попытках интерпретации археологических материалов в рамках налагаемых на них искусственных схем" (Васильев, 1995).

В то же время нельзя не признать, что в настоящее время методика этноархеологических исследований сделала серьезный шаг вперед, что этноархеологическая тематика является вполне актуальной на многих международных конференциях, а полевые этноархеологические работы проводятся на всех без исключения населенных человеком континентах. Трудно не согласиться с Л.С.Клейном, в том, что для того "чтобы реконструировать прошлое, восстановить исторический процесс, каждая из источниковедческих наук нуждается в других. И этнография, и археология поставляют свои выводы истории, социологии, культурной антропологии и для понимания своих материалов постоянно обращаются к этим синтезирующим наукам, заимствуя, таким образом, информацию, поставленную тем другими историко-ведческими науками и переработанную синтезом. В этом нуждаются обе науки - и археология, и этнография" (Клейн, 1998). На наш взгляд, этноархеологическая методика наряду с другими методами археологического исследования может и должна быть использована для анализа и интерпретации памятников каменного века Восточной Сибири там, где это позволяет сохранность и полнота археологических материалов.

Литература

- Васильев С.А.** Проблемы реконструкции позднепалеолитических обществ и этноархеологические исследования. // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск. 1985.
- Васильев С.А.** Российская школа изучения палеолита в контексте мировой археологии. // III исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 1995
- Васильев С.А.** Вопросы привлечения этнографических данных для реконструкции палеолитических обществ в отечественной археологии. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток-Омск, 2000.
- Кениг А.В.** К проблеме содержания термина "этноархеология". // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы IV Всероссийского научного семинара. Новосибирск-Омск 1996.-Ч.1.
- Кениг А.В.** Из истории становления англо-американской этноархеологии. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск-Уфа. 1997.
- Клейн Л.С.** Археология и этнография: проблема сопоставления. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы международного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н.Анучина. Омск-Санкт-Петербург. 1998. -4.1.
- Кузнецов О.В. Этноархеология охотников и собирателей. // Гуманитарный вектор № 2. Чита, 1997.
- Кузнецов О.В.** Этноархеология охотников и собирателей Забайкалья. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. Москва. 1983.
- Мельникова О.М.** Заметки о содержании этноархеологии. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы международного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н.Анучина. Омск-Санкт-Петербург, 1998. - Ч.П.
- Томилов Н.А.** Этноархеология: новое направление в Российской науке. // Вестник Омского государственного университета Вып. 2. 1999.
- Томилов Н.А.** Об этноархеологии как научном направлении российской науки. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток-Омск. 2000.
- Шнирельман В. А.** Этноархеология - 70е годы. Советская этнография № 4. 1984.
- Шнирельман В.А. Этноархеология.// Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. Москва. 1988.
- Allchin Bridget.** Living tradition. Studies in the Ethnoarchaeology of South Asia. Oxford & IBH Publishing Co. 1994.
- Bettinger R.L.** Hunter-Gatherers. Archaeological and Evolutionary Theory. Plenum Press. NY. 1991.
- Clarke David L.** Analytical Archaeology. Methuen & Co LTD. 1968.

Binford L.R. Archaeological perspectives. // New perspectives in Archaeology. Chicago. 1968.

Binford L.R. Nunnamiut Ethnoarchaeology. NY: Academic Press. 1978.

Binford L.R. In pursuit of the Past. London. Thames & Hudson. 1983.

Binford L.R. Constructing Frame of Reference. University of California Press. 2000.

Gamble C.S. Boismier W.A. Ethnoarchaeological Approaches to Mobile campsites. Hunter-Gatherers and Pastoralist Case Study. Ann Arbor. 1991.

Goodyear A.C., Raab L.E., Klinger T.C. The status of archaeological research design in cultural research management. American Antiquity № 43. 1968

Gould R.A. Subsistence behaviour among Western Desert Aborigines. Oceania. №39. 1969.

Kelly R.L. The Foraging Spectrum. Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways. Smithsonian Institution press. 1995.

Kuznetsov Oleg. Ethnoarchaeology in Siberia: an application to Late Palaeolithic settlements analysis. // Ethnoarchaeology of The Prehistory: beyond Analogy. Barcelona. 2004.

Kramer Carol (Editor). Ethnoarchaeology. New York. Columbia University Press. 1979.

Lee R.B. !Kung Bushman subsistence: An input - output analysis. // Contributions to Anthropology: Ecological Essays. Ottawa: National Museum of Canada Bulletin №230. 1969

Peoples James, Bailey Garrick. Humanity: An Introduction to Cultural Anthropology. West Publishing Company. 1991.

Renfrew Colin, Bahn Paul. Archaeology: Theories, Methods and Practice. Thames and Hudson. 2000.

Thomas D.H. Archaeology. NY. 1979.

Summary

The present article is devoted to relationships between 'settlement archaeology' and ethnoarchaeology. Ethnoarchaeology has emerged out of processual archaeology that was a response to the intellectual critics of the 1960s. Today ethnoarchaeology seems to be one of the approaches in contemporary processual and post-processual archaeology that based on using of knowledge on present day cultures of the peoples following traditional lifeways for explanation material remains, different features and structures found in the Past. Ethnoarchaeological approach is combining archaeological and ethnological methodology to understand how behavioral patterns of living traditional cultures reflect on the distribution patterns of material remains. Today, prehistoric archaeology, and settlement archaeology especially has become more and more influenced by ethnoarchaeology around the World. Applied ethnoarchaeology is becoming popular in Siberia because of discovering some Late Palaeolithic settlements with well preserved habitation structures of hunter-gatherers in Trans-Baikal and Enisey regions. The most remarkable are numerous 'tent-ring' structures, excavated in the alluvial sediments of the river terraces. That is why ethnoarchaeological approach is becoming an important in the analysis of Late Palaeolithic settlements organization, different distribution patterns and habitation structures. The paper is dealing with ethnoarchaeological data describing two different strategies that were used by hunter-gatherers in contemporary mobile societies. Information gained via ethnoarchaeological observation give us an explanation of archaeological features and structures excavated in Late Paleolithic settlements in Siberia.